

В глазах хозяина он был всего лишь заурядным ребёнком, что позволяло ему спокойно работать во дворе, не опасаясь быть проданным до того, как окрепнет.

Теперь же Цзи Саньмэй счёл, что вырос достаточно, чтобы самому выбрать себе покупателя.

Вернувшись в каморку, он достал из тайника в стене маленькое медное зеркальце.

Выменял его на три янтарных камешка, которые другие дети с трудом выпросили.

Убедившись, что никто не смотрит в его сторону, Цзи Саньмэй спокойно подумал, глядя на своё отражение: «Это лицо должны замечать лишь те, кого я выберу сам».

На его щеках мгновенно проступили магические символы-печати. Отразившись в зеркале, они наложились на него самого.

Теперь можно было не беспокоиться, что его купит кто-то нежеланный.

— Любой, кто не приглянется Цзи Саньмэю, просто не заметит его лица, каким бы ослепительным оно ни было.

...

Ночь опустилась на город Юньян, багровый солнечный свет угас, лунный свет застыл серебристым инеем на глазурованной черепице.

Половина города спала, другая же бодрствовала всю.

Цзи Саньмэя и других детей, словно утят, загнали в баню, облили из шлангов, насквозь промыли, а затем облачили в более нарядные белые шёлковые одеяния, накинутые на мокрые тела. Стражники в белых повязках заперли каждого в небольшую железную клетку, приковали к шее цепь и на тележках выкатили на сцену.

В элитный аукционный зал Цзи Саньмэй, судя по его положению у хозяина, попасть не должен был. Но подчинённые так докучали хозяину, твердя, что тот «зарывает талант в землю» и «упускает выгоду», что тот, раздражённый, втиснул Цзи Саньмэя в самый угол элитного аукциона.

Правила просты: каждый ребёнок стартует с пятидесяти лянов, покупает тот, кто предложит больше.

В отличие от прочих невольничьих рынков, здесь каждую ночь продавали лишь троих. У каждого маленького раба был свой номер. Гости заранее выбирали приглянувшийся номер, передавали его слуге при входе, а те выносили на сцену для подсчёта. Трое, набравшие наибольшее число голосов, и становились лотами на сегодня. Больше никого — дабы подчеркнуть редкость товара.

Поскольку все гости были знатными особами, в зале царил благоговейная тишина. С одной стороны сидели мужчины, с другой — дамы, разделённые изящной нефритовой ширмой. В углу курился дорогой амбра, наполняя зал холодным благоуханием.

Стартовая цена на первого ребёнка быстро взлетела до трёхсот лянов.

Цзи Саньмэя, разумеется, не выбрали. Получив свой номер «шесть», он сел в клетку по-турецки и скучаяще наблюдал, как гости внизу борются за других детей.

Первого и второго продали за триста пятьдесят и четыреста двадцать лянвов соответственно. Третий, мальчик с приятной внешностью, привлёк внимание многих, и его цена быстро перешагнула за пятьсот, поднимаясь с шагом в пятьдесят лянвов.

Аукционист выкрикивал: «Девятьсот лянвов! Есть больше? Девятьсот лянвов — раз! Девятьсот лянвов — два...».

Не успел он договорить, как из-за ширмы раздался учтивый, бархатный голос: «Десять тысяч лянвов».

В зале воцарилась гробовая тишина.

Половина гостей устремила взоры в сторону говорившего, другая — принялась с удвоенным вниманием разглядывать третьего мальчика, пытаясь понять, что же в нём стоит таких денег.

Третий ребёнок тут же возгордился. Поводя чёрными, блестящими глазами, он пытался разглядеть того, кто предложил за него целое состояние.

Цзи Саньмэй тоже с любопытством поднял голову, желая увидеть этого расточительного глупца.

...Десять тысяч лянвов за раба? Разоритель.

Свет в зале был приглушённым, глупец сидел вдалеке, и его лицо наполовину скрывала ширма, так что Цзи Саньмэй не разглядел его как следует. Он лишь увидел изящную руку, которая появилась из-за ширмы и указала пальцем... на него.

Голос звучал так благородно, что будил возвышенные мысли, но Цзи Саньмэя вдруг пронзила ледяная дрожь.

И тут дурное предчувствие оправдалось: «...Номер шесть. Я покупаю его».

Авторская ремарка: Саньмэй: ...Чёрт, страшно.

Мастер: Продайся мне — и бояться будет нечего.

Предложение сделал мужчина. Многие дамы, так и не увидев того, кто бросил на ветер десять тысяч, принялись вполголоса обсуждать, сколько же глупости нужно иметь в голове, чтобы совершить подобное.

Аукционист остолбенел, на мгновение заколебавшись между правилами и выгодой, но быстро выбрал последнее: «Этот гость...».

Не успел он начать, как сосед сделавшего предложение громко перебил его: «Прошу прощения! Мой младший брат впервые здесь и не знаком с местными порядками».

Он пригнул голову незадачливого покупателя, словно боясь, что тот ляпнет ещё какую-нибудь глупость: «Я лишь привёл его сюда, дабы расширить кругозор, не смеем более мешать. Прошу, продолжайте».

Хозяин, наблюдавший из-за кулис: «...».

Аукционист: «...».

Гости: «...».

Вскоре в зале поднялся сдержанный ропот насмешек: «Не суйся не в своё дело», «Пришлый — порядка не знает» и тому подобное.

Цзи Саньмэй, сидя на освещённой сцене, не мог разглядеть двух человек в тени, но в его голове уже созрел вывод.

...Пришельцы — явно не простые смертные.

Цзи Саньмэй использовал зеркало, чтобы наложить на себя заклятие: любой гость, который ему не приглянется, попросту не заметит его присутствия на сцене.

Но это работало только на «людей».

С его скромными силами он мог влиять лишь на тех, кто не владел магией. Для последователей Дао, яо или демонов он был словно на ладони.

Иными словами, тот, кто заметил лот «номер шесть», был либо заклинателем, либо нечистью.

Цзи Саньмэй прекрасно осознавал пределы своих способностей и был готов к такому развитию событий.

После того как расточитель-глупец невольно раскрыл «секрет», всё больше гостей обратили внимание на ребёнка в клетке с цепью на шее.

Он сидел с покорно опущенной головой, его стройная шея была охвачена широким железным обручем, который так и хотелось снять — уж слишком тяжким он казался. Чёрные, как смоль, волосы, слегка влажные, прилипли к шее, испуская лёгкий пар, отчего кожа казалась ещё белее, молочнее, так и манила прикусить.

Запылённая жемчужина понемногу сбрасывала с себя гнилую землю, являя миру свой истинный блеск.

Шёпот в зале сменился аханьем и перехваченным дыханием.

«Кто это?»

«Не знаю... Почему я его раньше не заметил? А ты?»

«...Нет... Как так?»

«Изумительно... просто изумительно...».

Центр внимания сместился с третьего лота. Тот, ещё недавно считавшийся красивым мальчик, теперь неловко топтался в центре сцены.

В его взгляде, брошенном в сторону Цзи Саньмэя, вспыхнула беспричинная злоба.

Хозяин, стоявший поодаль со скрещёнными руками, лишь вздохнул.

...Нынешние аристократы — вкусы у них всё страннее да страннее.

Цзи Саньмэй оставался невозмутимым, сердце его было спокойно, руки не дрожали.

Как человек, знающий себе цену, он отлично осознавал и свою привлекательность, и свою хитрость.

Он не знал, был ли тот десятитысячный глупец заклинателем или яо, да и не интересовался этим. Цзи Саньмэй имел привычку готовиться к худшему.

Если это был яо, то он определённо что-то замышлял. Раз не вышло в первый раз — будет вторая попытка. Остаться здесь больше нельзя. Нужно было одним махом продать себя, и обязательно — надёжному «человеку».

Под ярким светом свечей Цзи Саньмэй, прекрасно сознающий уровень своей внешности, начал представление.

Он выбрал даму, сидевшую близко к сцене, наполнил взгляд тоской и жалобой, устремил его на неё и протянул в её сторону ногу.

Нога у Цзи Саньмэя была безупречной формы: кость и плоть в идеальной гармонии, белизной ослепительная, изящный свод стопы, лодыжка округлая, словно нефрит. Две прекрасные голубые жилки мягко проступали на подъёме, и в сочетании с линией голени этот небрежный жест создавал пленительную картину.

Дама тут же ослепла от нахлынувшей мужской красоты. В её замешательством воспользовался другой гость, мужчина средних лет: «Одиннадцать тысяч лянов!»

<http://bllate.org/book/16281/1466060>